

нения говоров позднего заселения. В пользу необходимости такого термина служат следующие признаки этой единицы: 1) вторичность, 2) единая материнская основа без чёткой локализации, только на уровне наречия, 3) относительно внутреннее единство на синхронном уровне, 4) возможность внутреннего варьирования в известных пределах, не нарушающих единства, 5) распространение на большой территории» [7, с. 10]. Названные исследователем признаки могут характеризовать *сибирский региолект*, региональной модификацией которого будет являться формирующийся забайкальский региолект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галуза О.Ю. Об албазинском говоре // Языковой портрет Приамурья: Монография / под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. С. 16–26.
2. Калашников П.Ф. К изучению говора семейских // Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. Ж.С. Сажинов. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1966. Вып. 4. С. 26–36.
3. Калашников П.Ф. Фонетические особенности говоров семейских Забайкалья // Учёные записки МОПИ. М., 1966. Т. 163. Русский язык. Вып. 12. С. 315–335.
4. Копылова В.И. Именное склонение в говоре семейских Красночикийского района Читинской области // Исследование бурятских и русских говоров / отв. ред. Ц.Б. Цыдендамбаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского института общественных наук, 1977. С. 143–183.
5. Копылова В.И. Фонетическая система говора семейских Красночикийского района Читинской области. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1973. 83 с.
6. Краткая характеристика говоров старожилого русского населения Приамурья // Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова и др. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. С. 4–8.
7. Самотик Л.Г. В. И. Даль и проблема сибирского наречия // Русское народное слово в историческом аспекте. Красноярск: изд-во Красноярского государственного университета, 1984. С. 10–14.
8. Цомакион Н.А. Русские старожильческие говоры Сибири // Материалы и исследования по русской лексикологии и сибирской диалектологии / отв. ред. Н.А. Цомакион. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного педагогического института, 1971. С. 66–93.
9. Черных П.Я. Сибирские говоры. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1953. 96 с.
10. Эрдынеева Э.Д. Диалектная речь русских старожилов Бурятии / отв. ред. В.И. Рассадин. Новосибирск: Наука, 1986. 95 с.
11. Эрдынеева Э.Д. Русские говоры в Бурятии (лексикологический и социолингвистический аспекты). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. 124 с.
12. Юмсунова Т.Б. Русские старообрядческие говоры Забайкалья: особенности формирования и современного состояния: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2005. 375 с.

УДК 408.7

Е.И. Пляскина

НАЗВАНИЯ МЕХОВОГО ПАЛЬТО В ЗАБАЙКАЛЬСКИХ ГОВОРАХ

В статье сопоставляются названия мехового пальто, встречающиеся в романе К.Ф. Седых «Даурия» и в говоре Борзинского района Забайкальского края; выявляется сходство и различие в объёме этих лексико-семантических групп, а также в значениях их членов.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, лексическая единица, интегральная сема, дифференциальная сема, гиперо-гипонимические отношения.

The article compares the names of a fur coat used in the novel “Dauria” by K.F. Sedykh and in the dialect of Borzinsky District of Transbaikalia. As a result the author reveals similarities and differences in the size of these lexical-semantic groups and in the meanings of their items.

Key words: lexical-semantic group, lexical unit, integral seme, differential seme, hyperonym relations.

В статье впервые предпринята попытка рассмотреть в сопоставительном аспекте такой важный и интересный для исследователей фрагмент лексической системы забайкальских старожильческих говоров, как названия мехового пальто. Эти лексические единицы (ЛЕ) обозначают основной предмет зимней одежды, необходимый сельским жителям в условиях сурового забайкальского климата. Выбор данной лексико-семантической группы (ЛСГ) для анализа обусловлен тем, что она достаточно полно представлена в романе известного забайкальского писателя К.Ф. Седых «Даурия», описывающего быт казаков начала XX в. Эти же ЛЕ функционируют, хотя и с разной степенью частотности, в говоре Борзинского района Читинской области начала XXI в., что говорит об устойчивости ядра лексической системы данной ЛСГ.

В тексте романа встретилось 6 ЛЕ, являющихся названиями мехового пальто: *шуба₁*, *шуба₂*, *полушубок*, *доха*, *борчатка*, *тулуп*. Они объединяются в одну ЛСГ на основе наличия в их семемах (значениях) общей семы «меховое пальто»; противопоставляются ЛЕ друг другу дифференциальными семемами. Далее представлены контексты употребления этих ЛЕ в романе и даны их значения по тексту и по картотеке автора. В скобках рядом с местоимениями иногда даны имена и скобками же обозначены пропуски текста.

Шуба₁ – меховое пальто (надо заметить, что шубы использовали не только по прямому назначению, но и укрывались ими, и подстилали их, на что указывают контексты). «Андрей Григорьевич, насилу сдерживая рыдание, глядел вслед сыну и не замечал, что рукав его *полушубка* тлеет и дымится. (...) Увидев его сожжённый рукав, приёмщик расхохотался:

– Вот это погрелся. Так ещё раз погреешься, без *шубы* домой приедешь...» [с. 13]. «В полдень, отбивая литовки, чтобы удобнее было сидеть, он положил под себя *шубу* и позабыл её оттуда убрать» [с. 138]. «В облук телеги набили соломы. Поверх её разостлали две шубы, в задке устроили из подушек высокое изголовье. И это печальное ложе (...)» [с. 258].

Шуба₂ – цельнокроеное меховое пальто мехом внутрь, шитое не только из овчины (обычно), но и из другого меха (если позволял достаток семьи). «Алёшка (Чепалов) закрывался руками, прятал лицо в воротник лисьей *шубы*» [с. 185].

Полушубок – короткое меховое пальто мехом внутрь (для украшения по низу могло быть обшито полосками другого меха). «Андрей Григорьевич схватился в замешательстве за рукав, обжёг пальцы и начал снимать *полушубок*» [с. 12]. «Надев *полушубок*, надвинув на самые брови папаху, распахнул дверь в кухню и, грозя кулаком, сказал (...). Захлопнув дверь, он (Епифан Козулин) прищемил второпях конец кушака, выругался и рванул так, что разодрал кушак» [с. 173]. «Навстречу ему (Роману) полетели тяжёлые заледеневшие снежки, нанося чувствительные удары сквозь папаху и *полушубок*» [с. 228]. «В заломленной набекрень белой курчавой папaxe, в отороченном мерлушкою *полушубке* стоял он (Роман) на дороге» [с. 211].

Борчатка – короткое меховое пальто мехом внутрь, отрезное по талии и присборенное. «Находил у них (Чепаловых) покупатель сукно и барнаульские *шубы-борчатки* (...)» [с. 49]. «Роман нарядился в отцовскую, крытую тёмно-синим сукном *борчатку*, закутал горло в полосатый, с радужными кистями шарф, концы которого заткнул за кушак» [с. 188]. «Роман незаметно расстегнул *борчатку*, сжал до хруста кулаки и пошёл от ворот нарочито медлен-

ным шагом» [с. 194]. «Купец крикнул, положил шапку с рукавицами на голбец, прошёл неторопливо вперёд. Присел на краешек лавки, расстегнул воротник *борчатки* и зло спросил (...)» [с. 216].

Доха – меховое пальто мехом наружу, шитое обычно из козлиных или волчьих шкур. «Потом (волки) подступили к Илье. Он сбросил с себя *доху* и встал на дороге с ножом в руках...» [с. 44]. «Андрей Григорьевич, одетый поверх *полушубка* в козлиную *доху*, попытался руками в двойных рукавицах поднять воротник *дохи* и схорониться от хиуса» [с. 188].

Тулуп – длинное, большое цельнокроеное меховое пальто мехом внутрь. «И утром (...) наряд вооружённых понятых подкрался к кузнице. Нагорный спал, с головой завернувшись в *тулуп*» [с. 166]. «В ответ Спирька повернулся с правого бока на левый и да натянул повыше *тулуп*» [с. 249].

В говоре Борзинского района для наименования мехового пальто используются те же ЛЕ (*шуба₁*, *шуба₂*, *полушубок*, *доха*, *борчатка*, *тулуп*) и ещё три: *дублёнка*, *ергач*, *ергачок*. В значении каждой из них выделяется интегральная сема (ИС) «меховое пальто», противопоставляются слова дифференциальными семами (ДС), обозначающими: 1) расположение меха: внутрь (ДС₁), наружу (ДС₂); 2) фасон: цельная (ДС₃), отрезная по талии и присборенная (ДС₄); 3) длина: короткое (ДС₅), длинное до пят, большое (ДС₆); 4) длина меха: короткий или подстриженный (ДС₇); 5) покрытое тканью (ДС₈); 6) производство: отечественное или импортное (ДС₉).

Семемно-лексемный состав ЛСГ «Названия мехового пальто»

Семема	Лексема
1. Меховое пальто (ИС)	<i>Шуба₁</i>
2. Цельное (ДС ₃) меховое пальто (ИС) мехом внутрь (ДС ₁), иногда покрытое тканью (ДС ₈)	<i>Шуба₂</i> ,
3. Обычно импортное (ДС ₉) цельное (ДС ₃) меховое пальто (ИС) мехом внутрь (ДС ₁)	<i>Дублёнка</i>
3. Короткое (ДС ₅) меховое пальто (ИС) мехом внутрь (ДС ₁)	<i>Полушубок</i>
4. Цельное (ДС ₃) меховое пальто (ИС) мехом наружу (ДС ₂)	<i>Доха</i>
5. Короткое (ДС ₅) меховое пальто (ИС) мехом внутрь (ДС ₁), отрезное по талии и присборенное (ДС ₄)	<i>Борчатка</i>
6. Длинное, большое (ДС ₆) цельное (ДС ₃) меховое пальто (ИС) мехом внутрь (ДС ₁)	<i>Тулуп</i>
7. Цельное (ДС ₃) меховое пальто (ИС) с коротким или подстриженным (ДС ₇) мехом внутрь (ДС ₁)	<i>Ергач</i>
8. Короткое (ДС ₅) меховое пальто (ИС) с коротким или подстриженным мехом (ДС ₇)	<i>Ергачок</i>

ЛЕ *шуба₁*, содержащая в семеме только ИС, находится с остальными лексическими единицами в гиперо-гипонимических отношениях и является гиперонимом по отношению к ним. Согипонимы *шуба₂*, *полушубок*, *дублёнка*, *доха*, *борчатка*, *тулуп*, *ергач*, *ергачок* являются наименованиями разновидностей шуб.

Далее в упрощённой транскрипции даны контексты употребления этих ЛЕ в говоре Борзинского района, полученные методом обращения к языковому сознанию носителей говора:

У нас фсяки шубы насили, и барчатки были, и дохи, да и щас разны шубы есь. Из афчины шыли, из ыманних шкур, волчих. Зимой-та фсе ф шубах хадили, ить марозы-та сильны, и штаны из афчины были, и наски михавы; другой-та адёжсы не была, фсе сваидельска.

Лексико-семантические варианты *шуба*₁ и *шуба*₂, связанные метонимически, противопоставляются ДС₁ и ДС₃, содержащимися в семеме второго. ДС₈ является факультативной:

Шубы цельны краили колакалам и запахивали их, кушаком патпаяшут, кушаки из далимбы мангольской шыли, метра три, вот патпаяшут шубу и типло.

В последнее десятилетие в говоре появилась ЛЕ *дублёнка* как наименование современных, обычно импортных, шуб, сшитых из дублёных овчин; она противопоставляется ЛЕ *шуба*₂ ДС₉: отечественная или импортная:

Мангольски дублёнки хороши, тёплы, но и китайски ни хужы. В зоны можно выбрать нидаарагу или в Манжурии ишо лучи.

ЛЕ *полушубок* противопоставляется ЛЕ *шуба*₁ и *шуба*₂, а также другим ДС₅, то есть длиной:

Шуба длинна, а палушубак вышы кален, такой жы, как шуба, тольки пакарочи.

ЛЕ *шуба*₂ и *доха* противопоставляются друг другу семами, обозначающими расположение меха: *внутри* (ДС₁) и *наружу* (ДС₂). ДС₂ противопоставляет также слово *доха* словам *борчатка* и *тулуп*. Ещё не так давно, лет 30–40 назад (а также в романе «Даурия»), лексема *доха* характеризовалась также ДС₆ (большая, длинная, чтобы надеть сверху шубы или полушубка и укрыть ноги в санях):

Шуба – эта мехам внутри, из дублёных афчин шыли али каких других шкур. Афчину-ту ни крыли, а други-та шкуры накрывали чем-нить. Вот у ацца, помню, волча шуба крытая была. А рибитишкам из афчин шыли; Даха – эта шуба мехам наружу, иё сверху надидют, када в санях едут; Дохи-та сверху шубы надивали, абычно с ыманних шкур шыли; Ишо да вайны дохи были: вавнутрь афчина, а внаружу сабачча али волча шкура. Варатник высокий на кожанных вясках. Ф такой дахе никакой ветир ни прабьёт; Щас у нас дохами шубы завут цыгейкавы, да и китайски, у их ить тоже мех-та внаружу.

В настоящее время ДС₆ у лексем *доха* является неактуальной. Производные от этих лексем *шубейка* (пренебрежительное), *шубка* (ласкательное) и *дошка* (ласкательное) активно употребляются в говоре:

Дочу тваю видила фчирась. Дошка на ей браинька така, у китайцыф брали?

Лексема *борчатка* противопоставляется другим членам ЛСГ семьи ДС₃, обозначающей покрой: *отрезная по талии* и *присборенная*:

Барчатки шыли из афчин дублёных, на тальи атризны, а падол-та сабирут, борики таки зделают, вот ы барчатка называцца; Шыла шубу з барами, брава вышла барчатка.

Очень удобно в короткой (до колен) борчатке ездить верхом на коне (этим и продиктован покрой), что в наше время уже почти не актуально.

Лексема *тулуп* противопоставляется другим ДС₆, обозначающей размеры этой шубы (большая, длинная), и ДС₃, обозначающей фасон (цельная):

Тулупы у нас посла вайны паивились, афицеры в их хадили да на пасту стаяли в их. Ну щас хто и тулуп носит, тёпла; Я ф тулипи зимой рыбачу, на тилагрейку надию, сидеть-та ить холадна, да ишо ветир.

Лексема *ергач* противопоставляется словам *шуба*₂, *борчатка*, *тулуп* ДС₇, обозначающей вид меха (короткий или подстриженный); слову *доха* – ДС₇ и ДС₁:

Иргач-от длинный, ниже кален, только мех на ём худой, кароткий и реткий, на зиму-та така шуба ни гадицца, а вот осинню ли висной насилиш; Иргачи шыли с летних шкур али патстригали афчину.

Употребляются в говоре производные от *ергач*: *ергачок* – короткий ергач, *ергашный* – имеющий короткий или подстриженный мех (*ергашна шуба*, *ергашны штаны*), *ергачи* – меховые (*ергашные*) штаны мехом внутрь.

ЛЕ *ергачок* так же, как и ЛЕ *полушубок*, называет короткое меховое пальто, но противопоставляется ей ДС₇, обозначающей вид меха: короткий или подстриженный:

Иргачок-от – палушубак, только мех малинький, ну вот из мирлушки; Иргачок у миня есь, ф стайку хажу, па држава, ну в агради чо, лёганький такой; Иргашный-та палушубак, иргачок, для зимы ни гадицца, акалешь в ём, висной, осинню носят, да в аграду выскачить.

Таким образом, семантическое пространство в ЛСГ «Названия мехового пальто» в современном говоре более расчленённое, чем в романе «Даурия». Отсутствие ЛЕ *ергач* и *ергачок* в тексте романа, возможно, связано с жёстким отбором языковых единиц автором; ЛЕ *дублёнка* пришла в говор из литературного языка недавно, хотя процесс дублирования шкур носителями говора был освоен давно (использовали не дубовую кору, как в центральной России, а кору ольхи). Но не все члены ЛСГ одинаково актуальны в говоре (ЛЕ *борчатка* переходит в пассивный запас, так как такие шубы уже не шьют) и не у всех слов сохранился без изменений семантический объём (у ЛЕ *доха* устарела ДС₆).

ЛИТЕРАТУРА

1. Седых К.Ф. Даурия. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1975.

ЯЗЫКОВОЕ БЫТИЕ РЕГИОНА

УДК 801:316

Е.В. Касимова

РЕГИОНАЛЬНО ОКРАШЕННАЯ ЛЕКСИКА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ, ЕЁ ФУНКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПУБЛИЦИСТИКИ)

В статье рассматривается лексика, имеющая региональное употребление и представленная в публицистических и художественных произведениях амурских авторов, анализируются функции этой лексики.

Ключевые слова: русский язык, регионально окрашенная лексика, художественно-публицистический текст, номинативная функция, оценочная функция.

The articles focuses on regional lexical units and their functions in publicistic and fictional texts of the Amur region writers.